

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

О «Записке» К. С. Аксакова, поданной императору Александру II

«Мы заканчиваем в нынешнем номере печатание „Записки и дополнения к ней“, представленных двадцать пять лет тому назад покойному императору Константином Сергеевичем Аксаковым. Благословенна память и царя, умевшего слышать истину, почтившего в подданном святейшее человеческое право – право искренности, независимости мнения, – и подданного, почтившего своего Государя величайшею и самую редкою для царей честью – прямодушным, полным уважения и любви, но вместе и смелым изъяснением правды!..»

**Иван Сергеевич Аксаков
О «Записке» К. С. Аксакова,
поданной императору
Александру II**

Мы заканчиваем в нынешнем номере печатание «Записки и дополнения к ней», представленных двадцать пять лет тому назад покойному императору Константином Сергеевичем Аксаковым. Благословенна память и царя, умевшего слышать истину, почтившего в подданном святейшее человеческое право – право искренности, независимости мнения, – и подданного, почтившего своего Государя величайшею и самую редкою для царей честью – прямодушным, полным уважения и любви, но вместе и смелым изъяснением правды! Надеяться ли, что этот посмертный голос чистейшего и свободнейшего из людей, так задушевно, так живо, во всеуслышание ныне звучащий, проникнет в сердца и правящих, и правимых и поможет водворению единства в разнообразных политических воззрениях русского общества? Хотелось бы надеяться, но мы не обольщаем себя такою мечтою, потому что мало людей серьезно и самостоятельно ищущих истины, и наоборот, так много их, рабствующих патентованной «либеральной» доктрине и, не утруждая головы, уверовавших в готовую заемную форму-

ду!.. Тем не менее было бы желательно устранить для *искренно* недоразумевающих всякие недоразумения, договориться до конца и выяснить наконец до непререкаемости (что так нужно общественному сознанию) общие основы русской народной политической мысли... В этом отношении, мы думаем, «Записка» К. С., несмотря на то, что написана четверть века тому назад, является *во благовременьи*, и теперь именно более во благовременьи, нежели в 1855 году. Она ставит и по-своему решает те именно принципиальные вопросы, которые теперь не только глухо, – даже явно волнуют умы, но которые почти и не поднимались в начале царствования покойного Государя, когда на череду стояли другие неотложные задачи первенствующей важности – уничтожение крепостного права, судебной кривды и пр. Мы хорошо знаем тот отзыв, которым очень многие поверхностные умы станут отделяться от логических определений и выводов этой «Записки»: «Это сочинение *идеалиста*, не имеющее ничего общего с *реальной* жизнью, это *теория* принципов, а не *практические* указания» и т. д.

Но что такое практика без идеализма? Это действие и движение ощупью в темноте. Величайшие практики мира, действительные преобразователи своих стран, потому только и велики, что были не только практики, но и идеалисты, были одушевлены заветною мечтою, имели в виду идеальную, вне личных расчетов поставленную цель, в достижении которой и полагали свой личный подвиг. Таким практиком был Петр; таков и Бисмарк с своим идеалом единой державной Германии. Дело не в идеализме, а в содержании самого идеала. Если идеал сам по себе оказывается доброкачествен, верен и истинен и неудобно-применимым представляется лишь потому, что слишком возвышен, то это еще не причина заключать об его непригодности. Напротив: тем-то он и хорош. Беден тот идеал, который легко и удобно воплощается в несовершенство внешнего дела или явления человеческого; но благодетелен именно тот, который предносится пред несовершенством людским, служит людям поверкою, критерием их действий и учреждений, вечным двигателем к совершенствованию. Что фальшиво в сфере

принципа, то уж непременно фальшиво и в жизни. Поэтому там и в такие времена, где историческим фактором является уже не одно непосредственное творчество жизни, не одно действие инстинкта, но и деятельность сознания, нельзя пренебрегать постановкою вопросов в принципе и презрительно относиться к идеальному их разрешению, а следует лишь проверять его истинность – историческими данными прошлого и настоящего.

Да, автор «Записки» – идеалист, но этот идеалист оказался пророком, и печальная правда его пророчества сама собою свидетельствует о реальной истине, которая лежала в основе его идеализма... Объяснив, что Петр изменил самые отношения власти к народу, установил именно ту административную опеку над жизнью частною и общественною, которую мы подробно обрисовали в передовой статье 26-го N «Руси», – или, по словам К. С. Аксакова, ту «систему вмешательства в общественную, внутреннюю свободу жизни», которая, порождая в людях «рабское чувство», вместе с рабским чувством вызывает в них, как рабскую похоть, «политическое

властолюбие», – этот свободный духом подданный пред лицом своего Государя исповедует далее следующее: «Как скоро правительство отнимает постоянно *внутреннюю, общественную* свободу народа, оно заставит, наконец, искать свободы внешней, политической. Чем далее будет продолжаться петровская правительственная система, – хотя по наружности и не столь резкая, как при нем, – система, столь противоположная русскому народу, вторгающаяся в общественную свободу жизни, стесняющая свободу духа, мысли, мнения и делающая из подданного *раба: тем более будут входить в Россию чуждые начала*, тем более людей будет отставать от народной русской почвы, тем более будут колебаться основы русской земли, – тем грознее будут революционные попытки, которые сокрушат наконец Россию – *когда она перестанет быть Россией*. Да, опасность для России одна: *если она перестанет быть Россией*, – к чему ведет ее постоянно теперешняя петровская правительственная система. Дай же Бог, чтоб этого не было».

О революционных попытках в то время не

было и помина, но автор имел пред своими глазами тридцать лет предшествовавшего царствования, в которое, как мы заметили в своей вышеуказанной статье, система петровской правительственной над жизнью опеки дошла до своего апогея. Пророчество автора верно не по отношению к последовавшей за царствованием Николая I правительственной системе Александра II, а к продолжавшемуся действию самих начал реформы Петровой, слишком глубоко втравленных в русскую государственную и даже общественную жизнь – без малого двумя веками насилия и соблазнов. Никто так радостно не приветствовал освободительные начинания покойного Государя, как именно К. С. Аксаков. «В Россию веруя», – писал он, обращаясь к царю (впрочем сам про себя) в стихах, найденных в черновой рукописи и напечатанных лишь после кончины автора, —

*В Россию веруя, на бой с лукавой
ложью
В честь правды и добра, без стра-
ха ты идешь.
Чти слова дар святой, люби сво-*

боду Божью:

Свет нужен истине: мрак прикрывает ложь.

Любовь и истину дать Русь тебе готова.

Любовь и истина надежней всяких уз...

Ты возвратишь, о царь, земле свободу слова;

И Бог благословит с народом твой союз!

Скончавшись на шестой год царствования Государя Александра II, К. С. не мог, конечно, провидеть все новые усложнения общественного организма и строя, но в последние годы своей жизни он смущался уже не столько действиями правительства, сколько недостаточностью разумения истинных народных начал в самой общественной среде, призванной правительством к деятельности. Его строгая взыскательность относительно верности этим началам выразилась между прочим в критическом разборе некоторых докладов редакционных комиссий по административному устройству крестьян.

Кто сколько-нибудь помнит царствование

императора Николая, тот не может не надивиться тем исполинским шагам, которые совершила наша личная и общественная свобода в последовавшее и теперь уже минувшее царствование. Если бы кому, хоть за год до вступления на престол Александра II, представили в перспективе и земские учреждения, и суды, и развитие периодической печати, и даже тот простор слова, которым мы теперь пользуемся, – он бы признал это несбыточной мечтой. Но внутреннее целение, но врачевание болезней духа, причиненных петровской реформой и разрывом прежнего союза земли с государством, – все это не могло, конечно, совершиться так же скоро, как доступные внешней власти внешние нововведения. «Прямое целение на современно зло, возникшее в России – это *понять* Россию и возвратиться к *русским* основам, согласным с ее духом, к образу действий, согласному с понятиями, с существом России», – говорит в своей «Записке» К. С. Аксаков. Это-то и оказалось наитруднейшей задачей, потому что зло пустило слишком глубокие корни в духовную почву русского общества. Реформы Алек-

сандра II были истинно благодетельны, ослабили в сильной степени прежнюю административную опеку, создали основания для свободной деятельности жизни внутренней, земской, – но, к сожалению, самое *понимание* России и ее государственного идеала было еще слишком слабо в правящих и руководящих общественных сферах. Если историческое семя и пустило стебли, и самые стебли кое-как пробилась сквозь мусор и хлам полуразрушенных прежних сооружений, сквозь плотные наслоения лживых понятий, – то все же этого неубранного мусора и хлама, этих неразбитых наслоений было так много, что стебли не перемогли их, не пересилили своею растительностью, – как пересиливает весной старую ветошь лугов новая, молодая трава. В новизнах царствования действительно слышалась старина, по выражению старообрядцев, – это выражение верно, – но еще только слышалась и вскоре затем заглушена новизною, или точнее: петровскою недавнею стариною в ее же последовательном развитии, в ее новом фазисе. Виною тому «новопреобразованные Петром русские, – которые, как гово-

рит „Записка“, увлеченные частью насилием, частью соблазном на иностранный путь», сжились с своим положением, полюбили его и другого пути для себя не признали, да и не признают...

Существует мнение, что благодетельные реформы прошлого царствования, освобождая общественную жизнь, ослабляя административный гнет, в то же время ослабили значение, необходимый авторитет власти. Это мнение не лишено основательности, и вот почему:

Сущность петровского переворота состояла в том, что *земский* тип государства был заменен типом *полицейским*; что в его лице государство оторвалось от народных начал и для осуществления этого своего нового, чуждого русскому духу идеала – посягнуло на свободу внутренней, бытовой и нравственной жизни народа. Другими словами, или словами К. С. Аксакова: при Петре совершился разрыв власти с народом, «разрушился древний союз земли и государства и сменился *игом* государства над землею; русская земля стала как бы завоеванною, а государство с армиею

чиновников – завоевателем»; древнее самодержавие возведено не только на практике (в силу случайности), но *в принципе* – в *деспотизм* (каковым оно, впрочем, было почти везде на современном Петру континентальном Западе), а свободно-подданный русский народ, свободно и сознательно призвавший к себе власть и давший ей неограниченный простор в свойственной ей сфере правления, «получил значение раба-невольника в своей земле». К чему привел этот новый, внесенный Петром строй государственной жизни к концу царствования императора Николая, известно всем. Необходимо было изменить этот строй. Ликвидация петровского переворота могла совершиться двумя способами: или *сознательным отречением от иностранного пути*, на который двинул Россию Петр; уразумением истинных русских основ государственного строя; возвращением на прежний, оставленный русский путь (что вовсе не означает возвращения ко всем внешним старым формам жизни, к невежеству, к суеверию, к деревянной лавке вместо плетеного стула и т. п., как думают в своей мудрости некоторые

наши западники!); одним словом – восстановлением прежнего, полного доверенности и искренности союза между государством и землею, с предоставлением первому неограниченной свободы внешней политической власти или «правления», а последней: свободы внутренней, бытовой жизни, свободы духа и слова; или же *дальнейшим движением по тому же иностранному пути*, на который двинул Россию Петр, то есть тем процессом, которым ликвидировался в Европе всякий политический деспотизм, – процессом *западно-европейского либерализма*. Этот путь известен. «Новопреобразованные Петром русские, – поясняет „Записка“, – став в новое рабское отношение к власти, ощутили в себе политическое властолюбие; в классах, оторванных от народного быта, сейчас обнаружилось стремление к государственной власти»: при этом указывается на конституционные аристократические попытки при Анне Иоанновне и на 14-е декабря. К дальнейшему движению по *этому* пути и относятся те строки в «Записке», которые мы назвали пророческими ввиду событий последних лет.

Благодетельному успеху реформ прошлого царствования вредило именно то, что как государственные деятели, так и верхний, образованный класс общества и вообще так называемая «интеллигенция», заражены у нас духом именно западноевропейского *либерализма*. На все новые учреждения смотрели они сквозь призму западноевропейских либеральных доктрин как на *уступки* власти, как на ее политическое ограничение. Эти учреждения, эта доля свободы, предоставленная обществу, окрашивалась ложной окраской. «Идти по пути реформ» в понятиях наших так называемых либералов вовсе не значило возвратиться к древнему союзу власти с землею, а значило: идти к «увенчанию здания» учреждением (по любимому выражению наших газет) «однородным» с учреждениями европейских, «просвещенных, во главе прогресса и цивилизации стоящих стран». Это значит в то же время: стать на путь, который совершенно претит духовной природе русского народа, заменить искренность и доверие взаимных его отношений с правительством – началом антагонизма, умеряемого взаимным ис-

кусственным компромиссом; это значит установить господчину чуждой народному духу интеллигенции над народными массами, тиранию условно-либеральных чуждых доктрин над свободой жизни, над народной духовною самобытностью. Это значит осудить Россию на должность духовного прихвостня Европы, повторять ее зады, вкушать похмелье в чужом пиру, ибо смешно думать, что, став однажды на путь «европейского либерализма», наш государственный строй осядет на нечто несокрушимое и прочное, так как, за исключением Англии (поистине в своем историческом устройстве «неподражаемой»), в остальной Западной Европе таковых прочных основ государственного строя не имеется: на Францию даже и из наших «либералов» никто не отважится сослаться, а в Германии возникает общественный протест против парламентаризма или парламентской бюрократии, грозящей разрушением единству, величию и мощи Империи.

Итак, вредная сторона преобразований миновавшего царствования заключается в параллельной с ними слабости национального са-

мосознания в самом правительстве, и еще более в образованном русском обществе; в том, что они совершались большею частью (кроме наделения крестьян землею) в духе *европейского либерализма*, как уступки со стороны власти «современным либеральным веяниям». Другими словами: как в некотором смысле уступки *политическому властолюбию*, созревшему в верхних слоях народных, в так называемой интеллигенции, – а не как созидание истинной, чуждой политических властолюбивых похотей, жизненной русской свободы. Сделаны различные и благодетельные ослабления, но самый путь, которым следовала Россия со времен Петра, *не изменен*; а упорно оставаясь на этом пути, она обрекает себя на тот же логический исход, на который осуждена и Западная Европа и о котором прочит К. С. Аксаков. Все внешние дела Петра и его преемников, говорит «Записка», совершены силами той России, которая возростала и окрепла на древней почве, на других началах. «Доселе солдаты наши берутся из народа», доселе не вовсе исчезли русские начала и в преобразованных русских людях, подвергшихся

иностранному влиянию, и иногда просыпаются в них, в великие исторические мгновения. «Петровское государство побеждает с силами еще допетровской России». «Россия держится долго потому, что еще не исчезла ее внутренняя долговечная сила», постоянно ослабляемая и растлеваемая действием петровских начал, – «потому, что еще не исчезла в ней допетровская Россия»... «Народ, простой народ собственно, еще держится своих древних основ и противится доселе – и рабскому чувству и иностранному влиянию верхних классов», но «петровская система начинает проникать и в народ своею, по-видимому, пустою, но вредною стороною», вместе с которою «входят чуждые понятия и шатаются исподволь русские начала»... А чем более, благодаря петровской системе *антирусского* гнета жизни и вызываемого этою системою (вполне естественно и логически) либерального, но в то же время *антирусского* же протеста, будут входить в Россию чуждые начала; чем более будет отставать людей от народной русской почвы, тем сильнее и сильнее будут ультралиберальные, до самого крайнего радикализ-

ма доводимые попытки, которые – говорит К. С. Аксаков – «сокрушат наконец Россию, когда она перестанет быть Россией».

Да, повторим мы вместе с ним, «опасность для России одна: если она перестанет быть самой собою – к чему именно ведет ее петровская правительственная система». Что же из всего этого следует? Из этого следует, прежде всего, необходимость как для правительства, так и для общества, сознательного отречения от петровской системы государственного ига, административной опеки над жизнью, разрыва власти с народом (народ сам с своей стороны остался верен своим началам, своему идеалу): необходимость отрешиться как от петровского деспотизма, так и от его законно-рожденного детища – протестующего рабства, западноевропейского *политического либерализма*. Со стороны самой верховной власти, благодаря ее исторической, пребывающей в ней стихии и вразумлению опыта, всего менее, может быть, следует ожидать в наши дни препятствий к возвращению на истинный русский путь. Серьезнее препятствие в нашем фальшивом европейском либеральнича-

ные, в привитом нам из чужих, совершенно нам несвойственном и к тому же совершенно абстрактном политическом властолюбии, не сумевшем даже и выработать себе сколько-нибудь оригинальных форм. В нем, в порождаемой им путанице мыслей видим мы главный тормоз для восстановления вполне искреннего, полного доверия союза царя с землею, взаимного общения и гармонического сочетания, на народной, исторической почве, свободы личной власти и свободы общественной жизни, внутренней и внешней. Ранно или поздно придется убедиться, что петербургскому периоду русской истории должен быть положен конец. В этом смысле и говорили мы: «Пора домой»!..